

УДК 811-139.161.1'37

**Реверсивность как синергетический прием в литературной сказке
(на примере «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина)**

Троян А. А.

*Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова,
г. Киев, Украина*

В статье в аспекте лингвосинергетики исследуется прием реверсивности. Дается общее представление о кумулятивной сказке, определяются ее основные черты. Приводятся некоторые примеры реверсивных структур из «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.

Ключевые слова: *лингвосинергетика, художественный прием, реверсивность, кумулятивная сказка, самоподобие, реверсивная структура.*

Выдающийся российский филолог-фольклорист В.Я. Пропп в процессе исследовательской работы над сказкой обратил внимание на особый ее тип – кумулятивную сказку [7]. В современной науке об этом типе сказки заговорили с новым интересом в контексте лингвосинергетики. Так, А.А. Кретов посвятил этой теме несколько статей [4, 5], а Г.Г. Москальчук, определяя структуру текста как результат синергетического процесса, подчеркивает важную роль повтора в нем [6]. Данная работа является попыткой провести лингвосинергетический анализ художественного текста в аспекте реверсивности, такого рода анализ ещё не был проведен, что обуславливает актуальность нашего исследования. *Цель статьи* дать общее представление о кумулятивной сказке, определить ее основные черты.

Изучая иностранную терминологию, касающуюся сказок этого типа, В.Я. Пропп различает цепные и кумулятивные структуры. В дальнейшем это различие стирается, кумулятивными именуются все сказки, содержащие какое-либо повторение, а исследователи употребляют эти термины как синонимы. Для того, чтобы избежать терминологической путаницы, А.А. Кретов в качестве родового предлагает использовать термин «рекурсивные сказки» (от лат. *recursio* – бегу назад, спешу обратно, возвращаюсь; ср. термин «рекурсивная последовательность» – возвратная последовательность, когда в решении какой-либо задачи приходится использовать предшествующие элементы данной последовательности [3, с. 515]), а термин «кумулятивные сказки» сохранить за одним из видов.

Исследователи кумулятивной (цепочной, рекурсивной, реверсивной) сказки отмечают основной художественный прием, отличающий ее от других сказочных жанров. Он состоит «в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким образом цепь не порывается или же не расплетается в обратном убывающем порядке» [8, с. 253.]. Говоря языком синергетики, такие сказки моделируются с помощью самоподобных рекурсивных структур, составных частей сложной развивающейся системы.

В русском фольклоре можно найти множество примеров кумулятивных сказок: это «Репка», «Колобок», «Теремок», «Петушок и бобовое зернышко» и т. п. Также прием реверсивности нередко встречается в литературной сказке («Волшебник изумрудного города» А.М. Волкова). Мастерски использует этот прием в своих сказках и А.С. Пушкин. В частности, в «Сказке о рыбаке и рыбке» принцип реверсивности воплощен во всем его многообразии – от композиционного уровня до языковых средств.

Считается, что сюжет пушкинской сказки основан на померанской сказке «О рыбаке и его жене» (нем. *Vom Fischer und seiner Frau*) из сборника братьев Гримм, с которой имеет очень близкие совпадения, а также перекликается с русской народной сказкой «Жадная старуха» (где вместо рыбки действует волшебное дерево) [1]. Эти факты говорят о том, что пушкинский прием реверсивности в текстовой композиции имеет фольклорное происхождение, которое, в свою очередь, формировалось на универсальных законах мировосприятия, в основе которых – все те же синергетические принципы (в нашем конкретном случае – это принцип самоподобия). В.Я. Пропп и И.И. Толстой [10] также отмечали, что кумулятивные структуры весьма архаичны, находят аналоги в древних обрядах (буффониях) и отражают древнейшие структуры сознания.

Развертывание системы событий сюжетного порядка в кумулятивной сказке (таких, как завязка, развитие действия, кульминация, развязка) заменено неким нагромождением, сплетением, усиленным повтором: «самые события их ничтожны (или начинаются с ничтожных), и ничтожность этих событий иногда стоит в комическом контрасте с чудовищным нарастанием вытекающих из них последствий и с конечной катастрофой» [8, с. 254.] (в нашем случае это выглядит следующим образом: начало – разбитое корыто, далее – изба, терем, царские палаты, морское царство, конец – после накопления богатства старуха снова оказывается у разбитого корыта).

Композиция кумулятивных сказок состоит из экспозиции, кумуляции и финала. В экспозиции, как правило, повествуется о каком-либо незначительном событии: дед сажает репку, баба печет колобок, девушка идет на реку полоскать белье, *старик ловит рыбу* и т. п. Разрастающаяся цепь ведет к финалу – положительному («Репка»), комическому («Мена», «Лисичка со скалочкой», «Хорошо, да худо») или драматическому («Теремок», «Колобок», «Разбитое яичко», «Сказка о рыбаке и рыбке»).

Принципы создания цепи в кумулятивных сказках чрезвычайно разнообразны: от цепи в прямом смысле до самых разнообразных форм присоединения, нагромождения или нарастания. В соответствии с классификацией В.Я. Проппа [8, с. 251-269] «Сказку о рыбаке и рыбке» можно отнести к типу сказки с рядом приобретений или наград (исполнение просьб старухи).

В кумулятивных сказках часто используется не одна, а две или даже несколько цепочек, которые могут строиться по разным принципам. В результате в тексте одной сказки взаимодействуют разные типы кумуляции. В основе «Сказки о рыбаке и рыбке» лежит цепочка исполнений желаний. Также прием реверсивности используется в раскрытии образа моря, которое отражает последовательное нарастание негодования в связи с постоянно растущими требованиями старухи: *«Море слегка разыгралось – не спокойно синее море – почернело синее море – на море черная буря, так и вздулись сердитые волны, так и ходят, так воем и воют.* Отметим также троекратное действие с забрасыванием невода, где, помимо многочисленных повторов и параллельных синтаксических конструкций, реверсивность выражается эксплицитно благодаря употреблению числительных:

*Раз он в море закинул невод, –
Пришел невод с одною тиною.
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морской.
В третий раз закинул он невод, –
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, – золотою.*

Исследователи замечают, что кумуляция как явление свойственна разным сказочным жанрам. Нередко используют кумуляцию сказки о животных, а в волшебных сказках, будучи редуцирована до цепочки в три эпизода, она выступает обязательным композиционным приемом – приемом троекратных повторов, «троичности» (например, в «Сказке о царе Салтане» троекратное путешествие Гвидона домой к отцу в образе комара, мухи и шмеля).

Языковое пространство кумулятивных сказок, их форма и стиль имеют большое значение. Сюжетно-композиционная кумуляция, как правило, поддерживается в них кумуляцией синтаксической, лексической, вызывая постоянные повторы однотипных по строению (*рыбак и рыбка, старик и старуха; черная крестьянка – столбовая дворянка – вольная царица – владычица морская*) или даже одинаковых фраз-«звеньев», слагающих цепочку: *Воротился старик ко старухе... / ...Старика старуха забрала... / ... Вот пошел он к синему морю... / ... Стал он кликать золотую рыбку, / Приплыла к нему рыбка и спросила: / «Чего тебе надобно, старче?» / Ей с поклоном старик отвечает: / «Смилуйся, государыня рыбка, / ...Не дает старику мне покою...» / ... Отвечает золотая рыбка: / «Не печалься, ступай себе с богом...»*

По мнению А.А. Кретова, «Сказка о рыбаке и рыбке» относится к типу рекурсивных сказок цепной структуры [5]. Ученый обращается к внутренней форме этого термина: цепь предполагает наличие одинаковых звеньев, входящих одно в другое, т.е. структуру $ab + bc + cd + \dots$, если воспользоваться языком формул В.Я. Проппа. В качестве движущей силы для развития сюжета здесь выступает словесная формула: «не хочу быть X, а хочу быть Y». Сюжетная морфема этих сказок имеет две переменных: « $X > Y$ », а сочетаются морфемы по правилу наложения (аппликации): Y предшествующего шага является X-ом последующего: «*Не хочу быть черной крестьянкой, / Хочу быть столбовой дворянкой*» и т.д.

Структура данной сказки основывается на реверсивности предикатов сюжетных морфем «взять», «выпросить», «хотеть». В данной сказке слова рыбки «*Не печалься, ступай себе с богом*» разрешают дальнейший рост структуры, а фраза «*Ничего не сказала рыбка, / Лишь хвостом по воде плеснула / И ушла в глубокое море*» – запрещают. А в реверсивном фрагменте, которым открывается сказка, безуспешное забрасывание невода прекращается поимкой золотой рыбки. Эту часть сюжетной морфемы А.А. Кретов называет индикатором роста структуры, способным принимать два значения: разрешение или запрещение прибавить еще одну сюжетную морфему. Наличие индикатора роста структуры свидетельствует, что сказка конечна.

Геометрически самоподобные рекурсивные структуры представляются в виде графов – деревьев зависимостей [2]. Важно отметить, что рост дерева начинается с появления в структурной морфеме «переменной нового», содержащей каждый раз новую информацию: *одна тина, трава морская, одна рыбка; черная крестьянка, столбовая дворянка, вольная царица, владычица морская; корыто, изба, терем, царские палаты, морское царство; море слегка разыгралось – не спокойно синее море –*

почернело синее море – на море черная буря, так и вздулись сердитые волны, так и ходят, так воем и воют. За счет этой части осуществляется переход от цикличности к рекурсии.

Понятие «кумуляции» (лат. *simulatio* – нагромождение, собрание) в словарях литературоведческих терминов трактуется как стилистический прием, представленный многократным повторением определенных элементов произведения, распространен в фольклоре, где повторяются словесные формулы – рефрены (песни, сказки), а также в художественной литературе (анафора, эпифора, симплока, кольцо и т.п.). В этой связи ассонанс и аллитерация тоже можно считать проявлением реверсивности на фонетическом уровне языка художественного произведения. При повторении определенного звука (или звуков) происходит создание и даже нарастание акустического эффекта: *«Жил старик со своею старухой / У самого синего моря (звук «с» участвует в формировании звукового образа плеска морских волн); Вот идет он к синему морю, / Видит, на море черная буря: / Так и вздулись сердитые волны, / Так и ходят, так воем и воют»* (повторение звуков «о», «у» создает ощущение воя ветра при буре).

Вывод. Таким образом, для всех видов сказочных текстов, порождаемых повторением сюжетных морфем, предложен родовой термин «рекурсивные сказки». Рекурсивные структуры, положенные в основу реверсивного принципа, соответствуют древнейшему архаическому типу мышления. Эти структуры участвуют в формировании образного пространства текста и могут проявляться на всех его уровнях: от композиционного до синтаксического, лексического, фонетического. «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина имеет фольклорные корни, поэтому в ней наряду с архаичными реверсивными структурами функционируют и собственно авторские. В дальнейшем предполагается продолжение работы над лингвосинергетическим анализом сказок А.С. Пушкина, поиск новых методов и приемов.

Список литературы

1. Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина / М.К. Азадовский // Пушкин : Временник Пушкинской комиссии. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – Вып. 1. – С. 134-163.
2. Александров В. В., Арсентьева А. В. Информация и развивающиеся структуры / В. В. Александров, А. В. Арсентьева. – Л. : ЛИИАН, 1984. – 182 с.
3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1975. – С. 515.
4. Кретов А.А. Сказки рекурсивной структуры [Электронный ресурс] / А.А. Кретов // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I. (Новая серия) / Ред. П. Рейфман. – Тарту, 1994. – С. 204-214 – Режим доступа : <http://www.utoronto.ca/tsq/15/kretov15.shtml>
5. Кретов А.А. Рекурсивные сказки-2 [Электронный ресурс] / А.А. Кретов. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/folklore/kretov1.htm>
6. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
7. Пропп В.Я. Кумулятивная сказка / В.Я. Пропп // Фольклор и действительность : Избранные статьи. – М., 1976. – С. 241-257.
8. Пропп В.Я. Поэтика фольклора / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 352 с.
9. Рафаева А. В. Изучение кумулятивных сказок : формальный и типологиче-

Реверсивность как синергетический прием в литературной сказке (на примере «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина)

ский аспекты // А.В. Рафаева // Живая старина. – 2002. – № 1. – С. 50-52.

10. Толстой И.И. Обряд и легенда афинских буффоний / И.И. Толстой // Советский фольклор. – 1936, № 4-5. – С. 251-264. – Цит. по: Толстой И.И. Статьи о фольклоре / И.И. Толстой. – М.-Л. : Наука, 1966. – С. 80-96.

Троян А. О. Реверсивність як синергетичний прийом у літературній казці (на прикладі «Казки про рыбака та рибку» О.С. Пушкіна) // Ученіє записки Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 1. – С. 451-455.

У статті в аспекті лінгвосинергетики досліджується прийом реверсивності. Дається загальне уявлення про кумулятивну казку, визначаються її основні риси. Наводяться деякі приклади реверсивних структур з «Казки про рыбака та рибку» О.С. Пушкіна.

Ключові слова: лінгвосинергетика, художній прийом, реверсивність, кумулятивна казка, самоподібність, реверсивна структура.

Troyan A. A. Reversibility as a synergetics method in the literary fairy tale (on the basis of «Tale of the Fisherman and the Fish» by A.S. Pushkin) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 1. – P. 451-455.

The article examines the method of the reversibility by the lingvosynergetics aspect. Here a general idea of the cumulative tale is given, its main features are determined. Here are also some examples of reversible structures of the «Tale of the Fisherman and the Fish» by A.S. Pushkin.

Key words: lingvosynergetics, art method, reversibility, cumulative tale, self-similarity, reversible structure.

Поступила в редакцію 13.04.2012 г.